

Научная статья

УДК 003, 81'35, 811.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-225-249

**Графика и параграфемика:
где проходит граница между лингвистикой
и паралингвистикой письма**

Игорь Ефимович Ким

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме определения границы между языковыми и неязыковыми средствами письма. Первые обычно изучаются в графике или графемике – лингвистических дисциплинах, вторые относятся к ведению параграфемики или метаграфемики как раздела паралингвистики. На место границы между средствами графики и параграфемики влияют многие факторы, в том числе понимание сущности и состава графики, сущности и состава параграфемики, решение вопроса об отношении письма к языку. Оказывается, что граница между графическими и параграфемными средствами письма размыта и составляет большую область, включающую знаки пунктуации и другие вспомогательные знаки письма.

Ключевые слова

графика, параграфемика, метаграфемика, графема, основные и вспомогательные знаки письма

Для цитирования

Ким И. Е. Графика и параграфемика: где проходит граница между лингвистикой и паралингвистикой письма // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 225–249. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-225-249

© Ким И. Е., 2025

Graphics and Paragraphemics: Where is the Boundary Between Linguistics and Paralinguistics of Writing

Igor E. Kim

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

kim@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5571-4719>

Abstract

The paper addresses the problem of defining the boundary between linguistic and non-linguistic means of writing. The former are typically studied in graphics or graphemics – linguistic disciplines, while the latter fall within the domain of paragraphemics or metagraphemics as a branch of paralinguistics. The boundary between graphic and paragraphemic means is influenced by many factors, including the understanding of the nature and set of tools of graphics, the nature and set of tools of paragraphemics, and the resolution of the question concerning the relationship between writing and language. It appears that the boundary between graphic and paragraphemic means of writing is blurred and constitutes a large area that includes punctuation marks and other auxiliary writing symbols. The notion of a segmental unit of writing allows us to distinguish the signs of writing that form a text in its linguistic understanding from the non-linguistic means of writing.

Keywords

graphics, paragraphemics, metagraphemics, grapheme, basic and auxiliary signs of writing

For citation

Kim I. E. Graphics and Paragraphemics: Where is the Boundary Between Linguistics and Paralinguistics of Writing. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 2, pp. 225–249. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-225-249

Введение

Целью настоящей статьи является установление границы между графической и параграфемной составляющими русского письма.

Письмо как культурно-языковой феномен чрезвычайно многоаспектно. Сложность его всестороннего осмысления заключается в том, что оно занимает чрезвычайно большое место в жизни человечества, встроившись

в человеческую деятельность и породив массу феноменов, неотделимых от организации человеческого общества. Очень сложно построить такое описание письма, которое бы соединило в себе абстрактность знаковой системы письма и разнообразие человеческой письменной практики в ее материальном воплощении.

Большую роль в формировании сложности письма играет визуальный канал восприятия, который вкупе с двухмерностью пространства письма позволяет использовать большое количество средств выражения: форму, пропорции и размер знаков, интенсивность (яркость) линий, цвет, соотносительное пространственное положение и т. п.

Систематизируя средства письма, можно обнаружить два их типа: дискретные знаки, располагающиеся в строке и занимающие в ней отмеренное и типизированное место – поле знака, и средства, в том числе дискретные знаки, не имеющие в строке такого места.

Знаки первого типа по аналогии с выделяемыми в речевой цепи дискретными фонетическими единицами будем называть сегментными (ср. [Губина, 2025]). Они образуют текст в его графическом понимании – последовательность сегментных знаков, образующих потенциально бесконечную строку и следующих в ней один за другим. В большинстве современных систем письма такие знаки располагаются слева направо.

Знаки и средства второго типа, соответственно, являются несегментными и обладают большим разнообразием, поскольку используют всевозможные визуальные параметры письма – выход за пределы строки, цвет, видоизменения формы и размера, пространственную организацию, включая смену направления текста, ширину полей и другие параметры пустоты, включение не письменных элементов.

В этом случае можно рассматривать средства письма как образующие две области (рис. 1).

По отношению к несегментным знакам письма провести аналогию с фонетикой сложнее, поскольку выразительные и перцептивные возможности акустического канала существенно уступают возможностям изобразительно-визуального канала. Несегментные (супра- или суперсегментные, или просодические) единицы речи ограничиваются слогом, ударением и интонацией. Особенностью этих средств является то, что они накладываются на сегментные единицы, не имея своей позиции в речевой цепи,

чем все-таки сближаются с несегментными единицами письма, но уступают им в разнообразии.

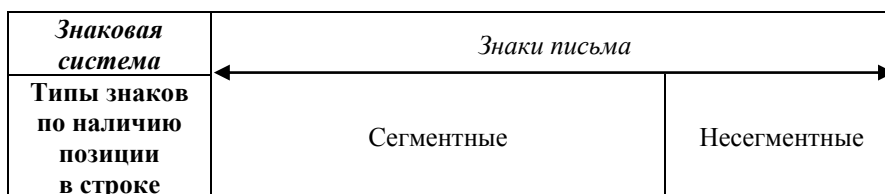

Рис. 1. Сегментные и несегментные единицы письма

Fig. 1. Segmental and non-segmental units of writing

Сегментными являются знаки письма, для которых существует позиция в тексте. Для этой позиции уместно использовать понятие поля знака. Поле как место потенциального знака имеет некоторые технические меры. В наборной печати поле соответствует литере – единице набора, имеющей строгие размеры, связанные с условным размером шрифта – кеглем. В машинописи поле соотносится с единичным шагом каретки пишущей машинки по ширине и ограничивается расстоянием хода интервальной ручки по высоте, ср. [Березин, 1960, с. 11–13]. В типографике количественной мерой высоты литеры (кегля – «размера ножки... литеры между ее верхней и нижней стенками» [Гессен, 1935, с.40]) является пункт, равный 0,376 мм ($\frac{3}{8}$ мм) [Там же]. Письмо более произвольно по отношению к размерам графем и поля знака, однако требование единообразия письма, культивируемое в начальной школе, задает у носителя языка представление о соразмерности графем даже при разном их среднем размере, а используемые для письма листы и тетради могут быть разлинованы в зависимости от назначения в линейку или в клетку, задающие пределы или ориентиры вертикального размера графем.

Сегментные письменные знаки, соотносимые с языковыми единицами, можно разделить на три группы:

1) алфавитные, соотносимые с фонемами акустической формы языка, например, *ф*, соотносимая с фонемами <ф> и <ф'>. Их число известно – в русском алфавите 33 буквы. Видимо, к сегментным знакам стоит отнести и лигатуры, горизонтальные (например: *æ*; *æ*) и вертикальные (например: *ŵ*), хотя они нехарактерны для современного русского письма;

2) иероглифические, соотносимые с целыми лексемами или морфемами, прежде всего цифры и другие знаки, соотносимые с целым словом, например: § 5 ‘параграф¹ пять’; *При покупке 2‘дв’-ух пачек маргарина – наклейки на яйца в подарок²*. Такие знаки можно назвать иероглифическими условно, только потому, что они соотносимы с лексическими или морфемными единицами языка;

3) пунктуационные, выполняющие функцию членения и организации текста и его единиц, например: *Молекулярные исследования показали, что в эпоху среднего палеолита и на начальном этапе верхнего в Центральной Азии проживали несколько популяций древних людей: ‘далее уточнение’ денисовцы, две группы генетически далеких друг от друга неандертальцев и люди современного анатомического типа³*.

К сегментным относятся также вспомогательные знаки письма, которые позиционно и по функции соотносимы с ПЗ или иероглифическими знаками, в частности используются в маркированных списках, в смайликах-эмотиконах, в специализированных текстах разных наук, в языках программирования и т. п.

Вот, соответственно, неполный список таких знаков.

– знак подчеркивания, занимающий отдельное поле знака. Из типовых функций используется для выделения пустого пространства, в частности для экспликации пробелов.

* – астериск. Используется все реже как показатель сноски (порядковый номер сноски задается количеством астерисков), располагаясь слева от вербальных знаков (рис. 2).

¹ Со словом *параграф* и знаком § связаны по крайней мере три парадокса графики и параграфемики: 1) параграфемика не связана с этим словом прямо, на что указывает Э. Хэмп в примечании к заголовку своей статьи о параграфемике [Hamp, 1959, p. 6]: 2) будучи иероглифическим как знак для слова параграф, § тем не менее выступает параграфемным средством, т. е. связь между параграфом и параграфемикой есть, но это не производность; 3) само слово параграф, употребленное во внутренней ссылке, выступает параграфемным, по крайней мере метатекстовым средством, ориентирующим читателя в самом тексте, а не в его объектном мире.

² <https://www.youtube.com/watch?v=2JwsQKUf4tA> (дата обращения 23.12.2023).

³ <https://nplus1.ru/news/2022/08/13/kuksaray> (дата обращения 13.08.2022).

Мало-помалу они поняли, что никакой обслуги не будет*, что им придется обходиться своими силами, что они обрушились в нищету.

* Дюрренматт усиливает комический элемент произведения, помещая своих героев в непривычную для них обстановку (отсутствие прислуги, низкий уровень жилищных условий и т. д.).

Рис. 2. Пример подстраничной ссылки с использованием астериска
(<https://zaochnik.ru/blog/informaciya-ne-dlya-slabyx-umov-kak-oformit-snoski-v-diplome/> (дата обращения 15.07.2025))

Fig. 2. An example of a subpage link using an asterisk
(<https://zaochnik.ru/blog/informaciya-ne-dlya-slabyx-umov-kak-oformit-snoski-v-diplome/> (access date 07.15.2025))

В лингвистике астериск используется как знак отсутствия зафиксированных случаев употребления языковой единицы или неправильности ее употребления, например: *Происхождение начального б в диалектном северновеликорусском бучни (*бучень) 'род обуви' (при онуча, обувать, разувать и т. д. и и.-е. *-ou- 'обувать') объясняется переразложением приставочного образования *об-уч-ьнь* (Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб., 2011. С. 22).

– «решетка». Широко используется в компьютерной, сотовой и интернет-коммуникации, иногда как знак рубрикации.

– Смайлики-иконки, например: ☺; ☹. Форме, употреблению, функциям и сочетаемости смайликов посвящается в последнее время все больше и больше научных работ (см. [Нашхоева, 2011; Пигина, 2015] и др.).

– Типовые маркеры, используемые наравне с некоторыми пунктуационными знаками в начале строки, обозначая позицию в списке или неозаглавленной рубрике:

- ✓ – галочка;
- – закрашенный кружок;
- – незакрашенный кружок;
- – квадрат;
- ▲►▼◄ – треугольники;
- ◆ – ромб.

Одной из характерных особенностей типовых маркеров является частое нелинейное исполнение – закрашивание внутренней области, не характерное для основных письменных знаков, которые исполняются линиями,

а нелинейные элементы несопоставимы с размерами поля знака. Закрашивание маркеров связано с тем, что они обслуживают абзац – внутритекстовую единицу более высокого ранга, чем единицы, оформляемые пунктуационными знаками без поддержки несегментных показателей. Закрашивание в сочетании с двухмерностью позволяет маркерам выглядеть «сомасштабно» абзацу, который потенциально имеет высоту в несколько строк.

Существуют и с разной степенью активности используются другие сегментные вспомогательные знаки, особенно за пределами нормориентированной пунктуационно-параграфической практики.

Отмечу, что большую роль в активности использования непунктуационных сегментных вспомогательных знаков играет интерфейс текстового редактора (процессора), выводящего на первый план те или иные знаки, например, шаблоны маркированных списков в Microsoft Word. Выбор маркеров, по-видимому, определяется наглядностью знаков, традицией их использования и эстетическими предпочтениями разработчиков. Таким образом, электронные инструменты создания текста влияют на состав вспомогательных знаков и регулярность их использования. Аналогичное влияние на состав знаков в свое время оказало техническое средство создания текста – печатная машинка, обусловившая использование в текстах косого слеша (двоеточия).

Не являются сегментными диакритические знаки (надстрочные или подстрочные), которые помещаются в одном поле с сегментным знаком (над или под последовательностью сегментных знаков) и модифицируют его значение:

- знаки ударения: $\hat{}$ – циркумфлексное ударение, например: *свѣта*; $\acute{}$ – акут, например: *свѣта*; $\grave{}$ – гравис, например: *свѣта*;
- знаки долготы и краткости: $\bar{e}$ и $\breve{e}$;
- знак подчеркивания $_$ под участком текста, например: *свѣта*;
- другие надстрочные и подстрочные знаки, располагаемые в пределах одного поля с алфавитными знаками.

Часть таких диакритических знаков используется в буквах алфавита: знак краткости («коромысло», «кратка») над *и* в букве *й* (логично поэтому название буквы *и* *краткое*); две точки над *е* в букве *ё*.

Также не являются сегментными элементы оформления текста, которые специалисты по пунктуации относят к «периферии системы современ-

ной русской пунктуации» [Шварцкопф, 1988, с. 66] или к «пунктуации в широком смысле» [Реформатский, 1963, с. 214].

Б. С. Шварцкопф относит к таким знакам (он их называет композиционно-пространственными) линейки, отделяющие разделы текста или сноски от основного текста; звездочки (одну или более), именуемые немой рубрикой; «строчной ряд отточий («многоточие») могущий колебаться от 15 до 45 точек» [Шварцкопф, 1988, с. 66]; «строчной ряд тире» [Там же, с. 67].

Характерной чертой горизонтальных линеек, отточий, серии звездочек и строчного ряда тире является их положение на отдельной строке или между строк, что выводит их из состава сегментных графических знаков.

Есть некоторые проблемы включения знаков в разряд сегментных. Они связаны с возможностями нелинейного расположения обладающих самостоятельной значимостью дискретных знаков, при котором линейную позицию одного знака занимают сразу два и более знака, например в математических формулах: $X = \frac{a}{b}$. Поскольку порядок знаков в формулах может

быть сведен к линейному ($X = a/b$), а показатели степени, а также верхние и нижние индексы располагаются в строке последовательно, как правило, не возникает сомнений в сегментной природе располагаемых таким образом знаков, хотя встречаются и более сложно интерпретируемые случаи нелинейного расположения знаков.

Таким образом, к сегментным знакам письма стоит относить такие, которые занимают поле знака, независимо от их соответствия фонетическим единицам акустической формы языка и / или вербальным единицам. Остальные дискретные знаки письма логично относить к несегментным.

Помимо дискретных несегментных знаков, не имеющих позиции в строке, существует большое количество недискретных средств письма, использование которых определяется перцептивными способностями зрения человека.

Для несегментных знаков письма с той или иной степенью точности используется понятие параграфемки (ср. *παρά*- 'рядом, около') и метаграфемки (ср. *μετά*- 'за') (см. [Баранов, Паршин, 1989; 2018; Шубина, 2006] и др.).

В составе метаграфемных средств А. Н. Баранов и П. Б. Паршин [2018] выделяют:

– субстанциональную метаграфемику, связанную с фактурными свойствами письменных знаков – инструментами и материалом письма;

- хромографемику (варьирование цвета);
- синграфемику (пунктуацию);
- супраграфемику (шрифтовое оформление);
- иконическую супраграфемику (введение изображений и пр.);
- топографемику (пространственное расположение знаков и текста);
- кинемографемику (приемы анимации, задающие динамику восприятия текста).

Исключив из данного списка синграфемику, которая имеет явный сегментный характер, можно более явным образом обозначить состав сегментных и несегментных средств письма (рис. 3).

<i>Знаковая система</i>	<i>Знаки и другие средства письма</i>	
	Сегментные (алфавитные, иероглифические, пунктуационные, иные)	Несегментные (дискретные и континуальные)
Типы знаков по наличию позиции в строке		

Рис. 3. Сегментные и несегментные единицы письма

Fig. 3. Segmental and non-segmental units of writing

Отметим, что предложенная А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным система метаграфических средств включает в себя помимо несегментных средств и некоторое количество сегментных знаков, а именно пунктуационные знаки.

Это означает, что представление о параграфемике задает состав параграфемных единиц, равно как и понимание графики как лингвистической теории письма определяет объем графических средств языка. Соответственно, решение вопроса о границе между этими составляющими письма зависит и от понимания сущности и состава графики, и от понимания сущности и состава параграфемики.

1. Графика как лингвистическая дисциплина

А. А. Волков возводит к подходу младограмматиков различие, «с одной стороны, теории и истории письменности, которые оказались за пределами собственно лингвистики, а с другой стороны, проблем письма, то есть алфавита, графики (приемов отражения на письме звукового ряда) и орфографии (норм письма), имеющих отношение к лингвистическому исследованию языка. Такая трактовка письма осталась практически без изменения и до настоящего времени» [Волков, 1982, с. 65].

Такой взгляд на лингвистическое содержание письма неизбежно приводил к тому, что лингвистическая теория письма – графика [Иванова, 1976] строила описание единиц письма через отношение к фонеме и другим фонетическим единицам⁴, а с другой стороны, описывала преимущественно сегментные знаки, при этом максимально отвлекаясь от формальных и фактурных аспектов их изучения, которые оставались предметом филологического описания письма.

Так, В. Ф. Иванова определяет графику в языкознании как предмет науки таким образом: «а) совокупность начертаний, через которое устная речь передается на письме: буквы алфавита... знаки ударения, апостроф <...> знаки препинания» [Иванова, 1976, с. 41]; «б) способы обозначения фонем и их сочетаний при помощи букв (или сочетаний букв) алфавита» [Там же]; «в) в более широком понимании: система соотношений между буквами и фонемами в тексте» [Там же]. Графику она определяет также как науку, «исследующую и описывающую соотношения между буквами и фонемами» [Там же]. Отдельно от графики в таком узком понимании стоит орфография, которая, однако, также относится к лингвистике письма. Таким образом, в состав более широко понимаемой В. Ф. Ивановой графики входят алфавитные знаки (соответствие фонеме), знаки, используемые в письменном оформлении слова (В. Ф. Иванова называет апостроф и знаки ударения; в этой логике я бы добавил неалфавитные средства орфографии) и пунктуационные знаки, используемые в письменном оформлении предложения и текста – также языковых единиц.

Однако есть и другое понимание состава графических знаков, и оно связано с принципиально иным пониманием отношения письма и языка.

⁴ Ср. слоговой принцип русской графики, описанный В. Ф. Ивановой [1976, с. 76].

Это представление связано с выделением в языке отдельной репрезентативной системы – графической. Суть такого выделения связана с тем, что графическое бытие языка равноценно акустическому и встроено в общественно-языковую практику в равной степени с акустическим бытием.

Представление о том, что письмо репрезентирует язык наравне с речью, представлено довольно широко. Во многом эту точку зрения в отечественной лингвистике культивировал И. А. Бодуэн де Куртенэ [1963]. Этой позиции придерживались автор популярного в свое время «Введения в дескриптивную лингвистику» Г. А. Глисон [Gleason, 1955; Глисон, 1959], британский лингвист А. Макинтош [McIntosh, 1956], чешский лингвист Й. Вахек [1967], Т. А. Амирова [1985] и др.

Так, Г. А. Глисон в своем учебнике вводит понятия письменного языка (written language) «для всей (total) коммуникативной системы, основанной на письме», и системы письма (writing system) [Gleason, 1955, p. 301].

В отечественной лингвистике последовательно отстаивала идею, что письмо находится внутри, а не вне языка, Т. А. Амирова (см., например, [Амирова, 1985]). Она вслед за Й. Вахек использовала понятие «письменный язык», а дисциплину, изучающую систему письма, определяла как графическую лингвистику, в составе которой выделяла графемику как «науку о графических конститутивных элементах письменного языка, их функциях и свойствах, а также их системной организации» [Там же, с. 53].

К другим разделам графической лингвистики она относит графику, орфографию и палеографию. Если назначение палеографии как практической дисциплины связано с описанием внешних признаков рукописей и прежде всего формы письменных знаков, то графика связывается с теорией алфавита [Там же, с. 57–60]. Графика, и особенно орфография, «является исходным материалом для систематики, осуществляемой в графемике» [Там же, с. 56].

Таким образом, Т. А. Амирова различает графемику, которая описывает систему письменных знаков как самостоятельную систему знаков с их функциями, и графику как науку о «конвенциональной репрезентации отношения графических знаков к элементам звучания» [Там же, с. 60]. Орфографию она понимает «как форму организации графической фактуры письменных высказываний, их частей и элементов относительно формы организации устно-звуковых высказываний» [Там же, с. 62].

А. А. Зализняк, используя другие основания, тем не менее приходит к похожим выводам о составе графических единиц – графем⁵ [Зализняк, 1979]. Он вводит понятие начертания для «графических единиц, реально встречающихся в письменных и печатных текстах» [Там же, с. 135]. Таким образом, он вводит формальный критерий для знака письма, который привязан к письменной фактуре и к графической репрезентативной форме – это характер исполнения знака. В качестве отличительного критерия графем он использует прием минимальной пары, привязывая ее также к языковой единице – словоформе: «существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ» [Там же, с. 136]. В этом случае важное для аллоэмического представления единиц письма понятие аллографа задается, с точки зрения А. А. Зализняка, несущественными начертательными различиями, которые он называет каллиграфическими, понимая каллиграфию шире, чем в обычном понимании термина, скорее всего, учитывая стилевые особенности исполнения знака [Там же]. Он вводит также различение основных графем, служащих для записи словоформ, и вспомогательных, включающих надстрочные и подстрочные, а также пунктуационные знаки. Различение основных и вспомогательных графем позволяет разделить графемы, связанные с воплощением субстанциальных единиц языка, прежде всего фонем, и обслуживающие их в той или иной мере и в том или ином отношении графемы.

Кроме того, взгляд на письмо как самодостаточную репрезентативную систему языка приводит к выделению вербальных, но не фонографических единиц – иероглифических знаков, которых в русском письме не очень много.

Соответственно, мы видим, что подход к письму как самостоятельной репрезентативной системе с собственными выразительными возможностями позволяет расширить объем письменных знаков, оказывающихся в ведении лингвистики, и не привязывать их к отражению только фигур и знаков акустической системы языка.

⁵ Термины «графема» и «аллограф» были известны русскому читателю и ранее, например, из перевода работы Г. А. Глисона [Gleason, 1955], изданного в 1959 г. Глисон считает, что графема и аллограф в письменной системе занимают место, сравнимое (comparable) с местом фонемы и аллофона в фонологии и отношения между ними сравнимы с отношениями между фонемой и аллофоном [Ibid., p. 302].

Таким образом, представление о графике как отражении в письме фонетических и, шире, языковых единиц по-другому разделяет составляющие письма (рис. 4).

Знаковая система	Знаки письма			
Типы знаков по наличию позиции в строке	Сегментные			Несегментные
Типы знаков по отношению к системе языка	Основные (алфавитные)	Иероглифические	Вспомогательные (пунктуационные)	Остальные средства

Рис. 4. Типы знаков по отношению к системе языка
Fig. 4. Types of signs in relation to the language system

2. Параграфемика как раздел паралингвистики

Понятие параграфемики, как считается в отечественной лингвистике, восходит к Э. П. Хэмпу [Hampr, 1959]. Он выделяет параграфемику, опираясь, с одной стороны, на уже сложившееся в англоязычной традиции противопоставление лингвистики и паралингвистики и, с другой стороны, на представление Г. Э. Глисоном [Gleason, 1955] письменной системы (writing system) как подсистемы языка и У. Н. Фрэнсисом [Francis, 1958] графики как части лингвистики.

Т. М. Николаева и Б. А. Успенский определяют паралингвистику в широком смысле как научную дисциплину, изучающую «всякие явления (не-

зависимо от их субстанции), сопровождающие вообще языковую деятельность (которая может быть звуковой, кинесической, графической и т. д.)» [Николаева, Успенский, 1966, с. 66]. Такой семиотический подход к паралингвистике позволяет понимать параграфемику как ее часть, связанную с графической «речевой деятельностью», т. е. с письмом.

Важным отличием параграфемии от паралингвистики речи является то, что последняя ситуативна: она в меньшей степени использует звуковой канал, а задействует незвуковые элементы коммуникативной ситуации: мимику, кинесику, проксемику и другие условия общения. В то же время параграфемика контекстуальна, т. е. связана с характеристиками текста как материальной и ориентированной на зрение сущности. Это свойство параграфемии обусловлено опосредованностью, неконтактностью и временным разрывом в отправлении и получении сообщения, характерными для письменной коммуникации [Ким, 2015].

Параграфемику нельзя полностью отождествлять с метаграфемикой, понятие о которой введено А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным [1989; 2018]. Параграфемика – нелингвистическая составляющая письма. Метаграфемика – составляющая письма, целью которой является «управление» текстом, актуализация и модификация смыслов, формируемых вербально-графической или фонографической составляющей письма. В этом случае в состав метаграфических средств письма вполне логично входит подсистема пунктуации, цель которой – членение графического текста, организация его компонентов и актуализация смыслов. Параграфемика предполагает соседство неязыковых средств письма с языковыми в едином целом текста, а метаграфемика – наложение их на графическую составляющую, управление ею с их помощью, модификацию с их помощью ее функций и смысла. Наличие префикса *мета-* у термина «метаграфемика» сближает его с тремя лингвистическими терминами, из которых два являются семантико-синтаксическими: метаязыковой функцией языка ([Якобсон, 1975], ср. собственно понятие метаязыка); метатекстом (термин введен А. Вежбицкой [1978]) и метакатегориями модуса высказывания (термин Т. В. Шмелевой [1994]).

Метатекст, как его понимает А. Вежбицка, – это элементы текста, которые являются средствами организации и членения самого текста, например: *Кстати, (Ян уже уехал)*. А. Вежбицка так толкует смысл *кстати* в сочетании с приведенным контекстом: «1) Я хочу сказать что-то другое. 2) Я думаю, ты понимаешь, что меня на это натолкнуло то, что я говорил. 3) Знай, что Ян уже уехал» [Вежбицка, 1978, с. 411]. Первая и вторая части

толкования выражают функцию *кстати*, по А. Вежбицкой. Важной особенностью такого метатекста является его встроенность в текст, «сегментный» характер, отсутствие внутренних маркеров отличия от собственно текста.

Под метакатегориями модуса Т. В. Шмелева понимает серию смыслов, передаваемых высказыванием, но не связанных с описанием объектной действительности (диктумом), а отражающих форму высказывания и его коммуникативные условия: коммуникативное намерение ‘я хочу, чтобы Вы знали’; речевой компонент ‘я говорю’; номинативный компонент ‘я называю’; речевой жанр ‘просьба / сообщение / совет / предостережение’, правила речевого поведения ‘не используй банальные языковые выражения’ и др. [Шмелева, 1994, с. 27–30]. Метакатегории модуса, как правило, имплицитны, но эксплицируются в случае коммуникативного сбоя или возможности его возникновения или же, наоборот, с целью усиления воздействия на адресата.

В этом смысле и понимание метаграфемики как составляющей письма, которая членит и организует графическую часть текста, управляет ее восприятием со стороны адресата, соответствует содержанию других семантических «мета»-понятий.

Метаграфемика в таком понимании отделяет все невербальные средства письма от вербальных.

Представим это на схеме (рис. 5).

Однако в метаграфическом подходе обнаруживается важное противоречие, лежащее за пределами отношений письма и языка. Это, скорее, внутренняя проблема лингвистики, обострившаяся в письменной форме языка.

Есть зона, в которой метаграфемика проявляется в составе слова, прежде всего, но не обязательно графического, и таким образом относится к ведению того, что в ортологии принято называть орфографией, конкретно – принципов постановки и оформления неалфавитных знаков и средств в составе слова.

Это зона постановки сегментных метаграфемных знаков, действующих в пределах слова – дефиса, апострофа, иногда слеша, а также использования прописных / строчных букв, например: *темно-красный*; *об’явление*; *и / или*; *Говорящий и Слушающий* (роли в коммуникативной ситуации).

Знаковая система	Знаки письма	
Типы знаков по наличию позиции в строке	Сегментные	Несегментные
Типы знаков по отношению к вербальным единицам языка	Вербальные (алфавитные и иероглифические)	Невербальные (метаграфемика)

Рис. 5. Типы знаков по отношению к единицам языка
Fig. 5. Types of signs in relation to units of language

Именно противоречивый характер сегментных метаграфемных средств слова заставляет лингвистов колебаться в отнесении дефиса и апострофа к пунктуационным или орфографическим средствам. В отечественной традиции принято относить дефис, апостроф и слеш к ведению орфографии [ПАС, 2007, с. 111–115], англоязычные лингвисты относят их к пунктуационным знакам [Garner, 2020]. Ср. также использование точки в составе графического слова, например: *ВАЛИТЬ* <...> 2. *Вырываясь, выходя от-куда-л., двигаться (подниматься, лететь и т. п.) сплошной массой (о дыме паре и т. п.)* (Словарь русского языка, 1984, т. 1, с. 135).

Таким образом, возникает еще одна зона использования метаграфических средств в условно относимых к неалфавитной орфографии – слитному / раздельному / дефисному и сокращенному написанию слов и сочетаний слов. Это противоречие отражено на рис. 6.

Е. А. Губина [2025], полемизируя с А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным, предлагает для сохранения параллелизма отношения параграфемики к графике и отношения паралингвистики к языку исключить из состава

Знаковая система	Знаки письма				
Типы знаков по наличию позиции в строке	Сегментные			Несегментные	
	Алфавитные знаки	Неалфавитная орфография	Иероглифические знаки	Пунктуация	Остальные средства
Уточненная модель метаграфемики	Графика	Мета-графемика	Графика	Мета-графемика	

Рис. 6. Типы знаков по отношению к единицам языка.
Уточненная модель метаграфемики

Fig. 6. Types of signs in relation to language units.
A refined model of metagraphemics

параграфемных средств все «сегментные средства письменной речи» [Губина, 2025, с. 373], т. е. графемы в грамматологическом понимании письма, а также изображения, которые «в принципе являются самодостаточными семиотическими сущностями и в любом случае принадлежат к отличной от естественного языка знаковой системе, которая подчиняется иным закономерностям» [Там же, с. 375]. Она называет такой подход к параграфемике узким пониманием, в отличие от широкого понимания, включающего в состав параграфемных средств пунктуационные знаки.

Таким образом, и со стороны графики, и со стороны параграфемики различаются два предельных представления о границе между графическими и параграфическими средствами письма: 1) сегментные / несегментные; 2) алфавитные и прочие (невербальные).

Подводя итог описанию подходов к определению состава единиц в графике и параграфемике, можно сказать, что граница между графическими и параграфическими средствами письма определяется следующими факторами:

1) пониманием природы графики, ее отношения к письму вообще и к фонетике, а также пониманием соотношения письма и языка. Если графика служит только для отражения фонетических единиц, то ее состав ограничивается только алфавитными знаками, а остальные средства письма составляют параграфемику в самом широком смысле. Если графика отражает языковые единицы всех уровней, то она включает в себя сегментные единицы: алфавитные, пунктуационные, неалфавитные орфографические средства с факультативным включением иероглифических знаков. Если же графика представляет собой независимую систему, она включает в себя все сегментные единицы с факультативным включением дискретных несегментных единиц. В каждом из этих подходов состав параграфемных средств ограничивается теми средствами письма, которые не входят в состав графики;

2) пониманием параграфемике, прежде всего ее отношения к паралингвистике. Максимально широкое понимание параграфемике позволяет включить в нее все неалфавитные средства письма, в том числе и дискретные знаки, и большую часть сегментных знаков, включая иероглифические. Метаграфический подход, ориентированный на экспрессивные возможности средств письма, помимо несегментных средств включает в состав метаграфемике пунктуационные (и аналогичные им по функции другие сегментные знаки). «Узкое» понимание параграфемике Е. А. Губиной следует идее параллелизма параграфемике и паралингвистики речи и исключает сегментные знаки из состава параграфемике.

Таким образом, мы можем видеть, что нет очевидной границы между графическими и параграфемными средствами письма. В самом широком смысле графика охватывает все сегментные знаки, а на долю параграфемике остаются только несегментные средства. В наиболее узком смысле графика связывается только с алфавитными знаками, а параграфемика охватывает все остальные.

Остальные знаки письма представляют собой довольно широкую пограничную область, тяготеющую и к графическим, и к параграфемным единицам (рис. 7).

Знаковая система	Знаки письма				
Типы знаков по наличию позиции в строке	Сегментные			Несегментные	
Уточненная модель метаграфемики	Алфавитные знаки	Неалфавитная орфография	Иероглифические знаки	Пунктуация	Остальные средства
Итог	Графика	Пограничная область			Параграфемика

Рис. 7. Итоговое представление знаков и средств письма в отношении к противопоставлению «графика / параграфемика»

Fig. 7. Final presentation of signs and means of writing in relation to the opposition “graphics/paragraphemics”

Современная ситуация в отечественной лингвистике письма выглядит таким образом, что в ней преобладает метаграфический подход к параграфемике, основанный на прагматическом взгляде на графический текст. Такой подход позволяет легко обнаруживать параграфемные средства за счет их наглядности и высокой выразительности и на основании прозрачной классификации описывать их выразительную функцию (см. [Арзамова, 2013; Стройков, 2016; Рябова, 2021] и др.). Естественно, такой подход применяется в основном к выразительным средствам художественной литературы, рекламы, периодической печати и интернет-коммуникации. На этом фоне выделяется систематическое метаграфическое описание русской пунктуации Н. Л. Шубиной [2006], в котором

к привычному для нас пунктуационному материалу последовательно применены принципы метаграфемики.

В данной статье я старался не обозначать свою позицию по этому сложному вопросу, отложив ее изложение. Как мне кажется, ответ на вопрос о различении графемных и параграфемных, основных и вспомогательных средств письма должно дать общее формально-графическое описание всех средств письма на едином основании. Так, в теории графики до сих пор нет формального (пространственно-кинематического, геометрического, возможно, алгебраического) описания русских алфавитных знаков, хотя формальные описания букв есть в палеографии и типографике; существует также широкая практика проектирования шрифтов с использованием специализированных компьютерных программ (FontLab; Glyphs, FontForge и др.). Таким образом, на вопрос о том, какова единица графики и чем она отличается от неязыковых единиц письма, ответ может быть дан только с учетом определения и описания формальных характеристик письменных знаков.

Список литературы

Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985. 286 с.

Арзамова О. В. Метаграфемика композиционно-речевых структур новейшей русской художественной прозы // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 11–14.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.

Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 6–15. DOI 10.15688/jvolsu2.2018.3.1

Березин Б. И. Самоучитель машинописи. М.: Искусство, 1960. 144 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку (1912) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 209–235.

Вахек Й. К проблеме письменного языка / Пер. с нем. Т. В. Булыгиной // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 524–534.

- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–421.
- Волков А. А.* Грамматология: Семиотика письменной речи. М.: Изд-во МГУ, 1982. 176 с.
- Гессен Л. И.* Оформление книги: Руководство по подготовке рукописи к печати. 2-е изд. Л.: Соцэргиз. Ленингр. отд-ние, 1935. 335 с.
- Глисон Г. А.* Введение в описательную лингвистику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 485 с.
- Губина Е. А.* Состав и границы параграфемики // Преподаватель. XXI век. 2025. № 1, ч. 2. С. 373–385. DOI 10.31862/2073-9613-2025-1-373-385
- Зализняк А. А.* О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.
- Иванова В. Ф.* Современный русский язык. Графика и орфография: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
- Ким И. Е.* Автор и его заместители в неконтактной речевой коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2 (5). С. 70–82.
- Нашихоева М. Р.* Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. Серия: Филология и искусствоведение. 2011. № 12. С. 321–327.
- Николаева Т. М., Успенский Б. А.* Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 63–74.
- ПАС – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
- Пигина Е. С.* Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети интернет // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29), ч. 2. С. 144–146.
- Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–215.
- Рябова М. Ю.* Параграфемные средства экспрессивности в англоязычном дискурсе моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 2. С. 453–457.

Стройков С. А. Анализ элементов параграфемики англоязычного электронного гипертекста // Вестник Южно-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-та. 2016. Вып. 3. С. 187–192.

Шварцкопф Б. С. Современная пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 192 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. 54 с.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 256 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Francis W. N. The structure of American English. New York, 1958. 614 p.

Garner B. A. The Chicago Guide to Grammar, Usage, and Punctuation. Chicago; London: The Uni. of Chicago Press, 2020. 583 p.

Gleason H. A. An introduction to descriptive linguistics. New York, 1955. 389 p.

Hamp E. P. Graphemics and Paragraphemics // Studies in Linguistics. 1959. Vol. 14, no. 1. P. 1–6.

McIntosh A. The Analysis of Written Middle English // Transactions of the Philological Society. 1956. Vol. 55 (1). P. 26–55.

References

Amirova T. A. Funktsional'naya vzaimosvyaz' pis'mennogo i zvukovogo yazyka [Functional interrelation of written and sound language]. Moscow, Nauka, 1985, 286 p. (in Russ.)

Arzyamova O. V. Metagrafemika kompozitsionno-rechevykh struktur novshei russkoi khudozhestvennoi prozy [Metagraphemics of compositional-speech structures of the newest Russian fiction]. *Herald of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2013, no. 2, pp. 11–14. (in Russ.)

Baranov A. N., Parshin P. B. O metayazyke opisaniya vizualizatsii teksta [On the metalanguage of text visualization description]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 6–15. (in Russ.)

Baranov A. N., Parshin P. B. Vozdeistvuyushchii potentsial var'irovaniya v sfere metagrafemiki [The influential potential of variation in the field of metagraphemics]. In: Problemy effektivnosti rechevoi kommunikatsii [Problems of speech communication effectiveness]. Collection of scientific-analytical reviews]. Moscow, INION Publ., 1989, pp. 41–115. (in Russ.)

Baudouin de Courtenay I. A. Ob otnoshenii russkogo pis'ma k russkomu yazyku (1912) [On the relation of Russian writing to the Russian language (1912)]. In: Baudouin de Courtenay I. A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu [Selected works on general linguistics]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, vol. 2, pp. 209–235. (in Russ.)

Berezin B. I. Samouchitel' mashinopisi [Self-taught typing manual]. Moscow, Iskustvo Publ., 1960, 144 p. (in Russ.)

Francis W. N. The structure of American English. New York, 1958, 614 p.

Garner B. A. The Chicago Guide to Grammar, Usage, and Punctuation. Chicago, London, The Uni. of Chicago Press, 2020, 583 p.

Gessen L. I. Oformlenie knigi: Rukovodstvo po podgotovke rukopisi k pechati [Book design: Guide for manuscript preparation for printing]. 2nd ed. Leningrad, Sotsekgiz. Leningradskoe otdelenie Publ., 1935, 335 p. (in Russ.)

Gleason H. A. An introduction to descriptive linguistics. New York, 1955, 389 p.

Gleason H. A. Vvedenie v opisatel'nyuyu lingvistiku [Introduction to descriptive linguistics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1959, 485 p. (in Russ.)

Gubina E. A. Sostav i granitsy paragrafemiki [Composition and boundaries of paragraphemics]. *Prepodavatel'. XXI vek*, 2025, no. 1, pt. 2, pp. 373–385. (in Russ.)

Hamp E. P. Graphemics and Paragraphemics. *Studies in Linguistics*, 1959, vol. 14, no. 1, pp. 1–6.

Ivanova V. F. Sovremennyyi russkii yazyk. Grafika i orfografiya [Modern Russian language. Graphics and orthography]. Study guide. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976, 288 p. (in Russ.)

Jakobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: Strukturalizm: “za” i “protiv” [Structuralism: “pro” and “contra”]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (in Russ.)

Kim I. E. Avtor i ego zamestiteli v nekontaktnoi rechevoi kommunikatsii [Author and his substitutes in non-contact speech communication]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2015, no. 2 (5), pp. 70–82. (in Russ.)

Lopatin V. V. (ed.). Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete academic reference]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 480 p. (in Russ.)

McIntosh A. The Analysis of Written Middle English. *Transactions of the Philological Society*, 1956, vol. 55 (1), pp. 26–55.

Nashkhoeva M. R. Vzaimodeistvie punktuatsionnykh znakov i emotikonov v tekstakh forumov [Interaction of punctuation marks and emoticons in forum texts]. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. Series: Philology and Art Studies*, 2011, no. 12, pp. 321–327. (in Russ.)

Nikolaeva T. M., Uspensky B. A. Yazykoznanie i paralingvistika [Linguistics and paralinguistics]. In: *Lingvisticheskie issledovaniya po obshchei i slavyanskoi tipologii* [Linguistic studies on general and Slavic typology]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 63–74. (in Russ.)

Pigina E. S. Smailik kak element emotsional'nogo vozdeistviya v organizatsii obshcheniya v seti internet [Emoticon as an element of emotional impact in organizing communication on the Internet]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 11 (29), pt. 2, pp. 144–146. (in Russ.)

Reformatsky A. A. O perekodirovanii i transformatsii kommunikativnykh sistem [On recoding and transformation of communicative systems]. In: *Issledovaniya po strukturnoi tipologii* [Studies in structural typology]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, pp. 208–215. (in Russ.)

Ryabova M. Yu. Paragrafemnye sredstva ekspressivnosti v angloyazychnom diskurse mody [Paragraphemic means of expressiveness in English fashion discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 453–457. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsii iz kursa “Sovremenyi russkii yazyk” [Semantic syntax: Text of lectures from the course “Modern Russian language”]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Press, 1994, 54 p. (in Russ.)

Shubina N. L. Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka [Punctuation of modern Russian language]. Textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Akademiya Publ., 2006, 256 p. (in Russ.)

Shvartskopf B. S. Sovremennaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovaniye [Modern punctuation: system and its functioning]. Moscow, Nauka, 1988, 192 p. (in Russ.)

Stroikov S. A. Analiz elementov paragrafemiki angloyazychnogo elektronogo giperteksta [Analysis of paragraphemic elements of English-language electronic hypertext]. *Herald of South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 2016, no. 3, pp. 187–192. (in Russ.)

Vachek J. K probleme pis'mennogo yazyka. Per. s nemetskogo T. V. Bulygina [On the problem of written language. Transl. from German by T. V. Bulygina]. In: *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague linguistic circle]. Collection of articles. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 524–534. (in Russ.)

Volkov A. A. Grammatologiya: Semiotika pis'mennoi rechi [Grammatology: Semiotics of written speech]. Moscow, MSU Press, 1982, 176 p. (in Russ.)

Wierzbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in text]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, iss. 8: Text linguistics, pp. 402–421. (in Russ.)

Zaliznyak A. A. O ponyatii grafemy [On the concept of grapheme]. In: Balcanica. Lingvisticheskie issledovaniya [Balcanica. Linguistic studies]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 134–152. (in Russ.)

Информация об авторе

Игорь Ефимович Ким, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Igor E. Kim, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 01.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 10.05.2025
The article was submitted on 01.04.2025;
approved after reviewing on 10.05.2025; accepted for publication on 10.05.2025*